

ЖИТИЕ СВЯТОГО ИОАННА КАНТИЯ (ЯНА ИЗ КЕНТ)

Адам Опатовчик

*Пер. с лат. Vita S. Joannis Cantii auctore Adamo Opatovio, edita Cracoviæ 1628 // AASS, Oct.
T. VIII, pp. 1064-1073*

В переводе Константина Чарухина

ПРЕДИСЛОВИЕ

Благословляем Бога неба и земли, Отца и Сына, вместе со Святым Духом, Бога Единого в Троице, и Его же Тройственного во Единице, неизреченного и славного; и перед всеми живущими исповедуем Его, ибо сотворил Он милость Свою для нас (ср. Вульг. Тов. 12:6), избрав в Краковском училище, что на севере Королевства Польского, Иоанна Кантия слугою возлюбленным и в нём явив бесчисленные дары благодати и достоивные свершения добродетели. Поскольку же дела Божии объявлять и исповедовать похвально (ср. Вульг. Тов. 12:7), мы, слогом пускай скупым и простым, но с упованием на помощь благодати Божией, постараемся описать оные наряду с житием святого в следующем, насколько скудоумие наше позволит, порядке:

- I. Об отечестве, родителях и домашнем воспитании дост. Иоанна Кантия.
- II. О преславной его молодости, проведённой в академических занятиях.
- III. О глубоком смирении и презрении к себе.
- IV. О достоивной простоте.
- V. О благоговении к Богу, сиречь пламенном богопочитании.
- VI. О долготерпении и перенесении добровольно принятых на себя невзгод.
- VII. Об умерщвлении плоти.
- VIII. О делах милосердия.
- IX. О даре пророчества.
- X. Об общении с блаженными мужами, кои о ту пору просияли святостью жития.
- XI. Краткий перечень трудов, которые он предпринял на своей академической должности.
- XII. О преставлении из сей жизни в бессмертную.
- XIII. О некоторых чудесах, последовавших за его смертью (опущена в настоящем переводе. – прим. пер.).

ГЛАВА I. ОБ ОТЕЧЕСТВЕ, РОДИТЕЛЯХ И ДОМАШНЕМ ВОСПИТАНИИ ДОСТ. ИОАННА КАНТИЯ

[1] Местом рождения достославного Иоанна Кантия выпало стать местечку Кенты (лат. Cantu или Santhi, польск. Kęty. – прим. пер.), что в переводе на латынь означает «угол», потому что на юге из него открывается вид на две весьма высокие карпатские горы, которые, простершись вдаль обширными краями и сходясь вплотную друг к другу, образуют видимое подобие угла. [Сие местечко] располагается рядом с Силезией на самой границе польских владений, недалеко от Освенцима – на расстоянии восьми миль от Кракова.

В сем городе он родился в порядочной и, прежде всего, католической семье, в праздник св. Иоанна Крестителя, в год спасения нашего 1397-й от отца Станислава, мужа консульского звания и замечательного ревнителя благочестия, который, обретя сына, вместе с супругой своею Анной, женою, исполненною любви к целомудрию и богопочитанию, постарался напитать его познанием Божиим и первыми начатками католической веры да и воспитать его юный дух во всяческой добротности. Иоанн возымел обыкновение во всём повиноваться, к увещаниям родителей прислушиваться, детскими забавами пренебрегать. В его облике и поведении проявлялось нечто значительное и серьезное, давая наглядное подтверждение того, что в глубине сердца его уже обитала благодать небесная.

ГЛАВА II. О ПРЕСЛАВНОЙ ЕГО МОЛОДОСТИ, ПРОВЕДЁННОЙ В АКАДЕМИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЯХ

[2] Проведя детские годы под родительским наставлением и отведав начала грамоты, он по их воле отправился в знаменитую обитель благочестия и всяческих знаний, что, будучи учреждена от щедрот государя Ягелло, славилась тогда студентов обилием, а профессоров прилежанием и высочайшим в учительстве усердием. Благодаря таковым наставникам оный благочестивый ум, пылавший жаждой познания (а по неисповедимому суду Божию уже предназначенный послужить славным украшением именно сего заведения), явил свету обильные плоды, что были слаще, чем у прочих, ведь они напитались как бы нежными соками целомудренного жития, скромности, воздержания. Скрыть успехи в учёбе и яркое дарование было невозможно, и хотя Иоанн из низкого мнения о себе и по любви к безвестности часто пытался принизить их, однако при исполнении положенных заданий и на обычных занятиях они то как искры, то как сияющие лучи проявляли свою природную силу. А поскольку должно было ему, подобно зажжённой свече, стать на подсвечнике в доме Господнем, чтобы светить ходящим в нём (ср. Мф. 5:15), и, возросши, подобно отрасли лозы виноградной, примером всецеломудренной жизни, подобной зелени лиственной, дарить прохладу изнурённым жарой и, собрав урожай спасительного учения, словно бы соком виноградным, веселить душевные горести (ср. Пс. 103:15); и поскольку должно было ему, уподобившись маленькому роднику, вырасти в реку и разлиться широким потоком, орошая, словно бы насаждения, души Христовых верных, дабы плодоносили они, то устроил Бог так, что, внимая научению тех, чьей вверился власти, он постепенно проходил все учёные степени в добрых науках и философии, а в конце концов склонил главу, дабы приять высшую честь – звание доктора теологии, и взвалил на свои плечи тяжкий труд сей должности.

А приняв в итоге сан священника, он присовокупил сие служение к преподавательскому, став куда ревностнее, ибо всегда повторял в душе знаменитое изречение св. Павла, словно бы оно было обращено к нему лично: «...[Б]удь образцом для верных в слове, в житии... Вникай в себя и в учение; занимайся сим постоянно: ибо, так поступая, и себя спасешь, и слушающих тебя» (1 Тим. 4:12, 16). И усердно твердил известное поучение св. Амвросия, словно бы почерпнул оное прямо из сего источника божественного познания: «Итак, жизнь потребна прежде учения, ведь добрая жизнь и без учения стяжает благодать, а учение без жизни чистоты не стяжает» (Толкование на 118 псалом. – прим. пер.). Поэтому он установил для себя правило, что поступки должны соответствовать словам; и что первым самому нужно братья за упражнение в той добродетели, стремиться к которой призывает других; и что только то учение может прорасти в душах, подобно лилии, и принести плод добродетели, каковое подтверждается примером правой жизни учащего. Ну и поэтому, уповая на споспешение благодати, он обратил все свои заботы и старания на то, чтобы жизнь свою сделать как бы зеркалом заповедей евангельских, доколе не изобразится в нём Христос (ср. Гал. 4:19), чьими стезями он следовал.

ГЛАВА III. О ЕГО ГЛУБОКОМ СМИРЕНИИ И САМОПРЕЗРЕНИИ

[3] Смирение, что наипаче всего освящено примером Христа и Его же похвальным словом одобрено, он любил крепко – как наипрочнейшее основание всех добродетелей, на котором должно строить и возводить к небесам духовное здание святости. Всем своим существом он жаждал укоренить сию [добродетель] в недрах души, начертать её на скрижалях сердца. Постоянно размышлял он про себя, что превосходство, высота и превознесение подобает и присуще лишь Божественному величеству по причине вечного Его бытия, а человеку нет ничего сообразнее низости и ничтожества, поскольку он образовался из ничтожнейшей слизи, а после ухода из этой жизни [плоть] его достанется гнили и червям. Он раздумывал над тем, как свирепа, как безжалостна к жизни склонность к разрушению, заразившая [человека] при первом грехопадении, и как он нуждается в могучей помощи божественной благодати, чтобы творить дела благочестия и справедливости. Поэтому он с полнейшей осознанностью презирал себя, считая, что поистине достоин всяческого презрения и бесчестия. Ибо всех, кого только ни видел, он ставил выше себя и оказывал им такое почтение, будто они лучше его. Не надмевало его знание, охватывавшее многочисленные понятия и разнообразные предметы; не смогли внушить ему заносчивости ни быстрота ума, закалённого в пылу диспутов и блистающего острою смыслом, ни академические почести, подобающие ему за достижения и учёность. В конце концов, даже снискав высшее звание, превосходящее прочие, – степень доктора богословия, – он не вырос в собственных глазах, но, умножив суровость жития, самому себе в сокровенной глубине души показался ещё ничтожнее и такого же отношения ожидал от других. Учёное сообщество представляло ему достаточно возможностей смиряться, но сие смирение казалось ему почётным, потому что презирали его не все – из-за уже в некоторое мере сложившегося мнения о его святости. Поэтому-то, наряду с другими причинами, он, облекшись в убогое одеяние нищего паломника, странствовал по далёким краям, дабы, лишившись всякого почёта, досыта вкусить презрения, отвержения и оскорблений.

ГЛАВА IV. О ДОСТОДИВНОЙ ЕГО ПРОСТОТЕ

[4] Итак, дойдя чрез истинное смирение до пределов глубокого самоотвержения и в нём укоренившись, Иоанн достиг такого самообладания, что в сочетании с дивной простотою приводило на ум образ утраченной [прародителями в Эдеме] невинности. Ибо в жизни он действовал, придерживаясь простоты безо всякого лукавства; был несведущ в мудрости мира сего, которая многое творит напоказ и добивается славы притворством, но познавал мудрость Божию и науку святых, отложив всякую злобу и всякое коварство, как новорождённый младенец (ср. 1 П. 2:1-2); и без тени непостоянства проявлял в речах и поступках невинность и чистоту, которые сохранил в душе.

Например, когда он одиноко, ни единого при себе не имея спутника, но с уверенностью в присутствии Бога и защите Его, памятуя о чьём иге он радовался, ходя всеми путями, ведь «с простыми беседование Его» (Вульг. Прит. 3:32); так вот, повторяю: когда он в одиночестве держал путь в Рим, внезапно из засады выскочили грабители и бросились на святого. Обошлись они с ним люто: исколотив, обобрали; отняли все деньги, что у него были на путевые издержки, и мало того, грозили пытками, коли сам не отдаст, что осталось. Из-за этого внезапного потрясения, забыв о нескольких золотых монетах, что были спрятаны у него в одежде, Иоанн заявил, что у него больше ничего нет. Но когда он пришёл в себя после испуга и вспомнил о спрятанных деньгах, то ужаснулся и, объятый скорбью и душевным смятением, бегом помчался за уходящими, многими просьбами призывая их вернуться. Преклонив перед ними колени, он признался, что согрешил против Бога и заслуженно навлек на себя гнев Божий, и совершенно добровольно передал им всё, что по причине забвения сохранилось. Грабители изумились таковой простоте святого мужа, пали в ноги ему, вернули отнятое и просили прощения, которое он охотно им уделил.

Вот правило (dogma) Твоё, Спаситель мира и сеятель небесных заповедей: «Будьте мудры, как змии, и просты, как голуби» (Мф. 10:16). Пожинай же плоды того, что посеял в святом муже! Он подражал мудрости змеиной, когда утратился, узрев в душе своей подобие лжи, свершённой по неосторожности. Он подражал простоте голубя, когда не помыслил об отмщении, но отнёсся к врагам, как к друзьям, и, позабыв обиды, вновь одарил их, исполняя апостольское слово: «Вы же... не уставайте делать добро» (2 Фес. 3:13. – пер. еп. Кассиана).

ГЛАВА V. О ЕГО БЛАГОГОВЕНИИ К БОГУ, СИРЕЧЬ О ПЛАМЕННОМ БОГОПОЧИТАНИИ

[5] Ревность о благочестии и богопочитании настолько сильно развилась в нём ещё с ранних лет, когда разум впервые начал проявлять свою силу, что он, казалось, обитал уже в небесах, угасив похоти земные, и так всю свою жизнь и хранил её (душу? – прим. пер.) чистою и незапятнанною. Он знал, что, возводя взор к небесам, должно туда и ум обращать, ведь краса небесной шири зовёт любующегося поклониться Зиждителю столь величественного творения. Он знал, что в силу призвания ему надлежит познание мудрости, но желал быть мудрым не сам по себе, а искал просвещения от Того, о Ком написано: «Всякая премудрость — от Господа» (ср. Сир. 1:1). Человеческая же мудрость – это благочестие, которое просвещает

души, преданные Богу и привязанные к Нему, дивным знанием возвышенных истин. И он горел столь пылким радением о Боге, что больше проводил времени в храме, нежели в коллегииуме.

Ты привёл его, Господи, на святую гору Твою и обрадовал его в Твоём доме молитвы (ср. Ис. 56:7). Поистине привёл, ибо как бы он поспешил по благовонию мира Твоего (ср. Песн. 1:3. – пер. П. Юнгерова), если бы Ты не привлёк его вервиями пылкой любви? Вы, о вервия крепкие, сплетенные в мастерской божественной любви, вы пленили его сердце; и, наполнив упоительным счастьем, поставили пред ликом Божиим. Вы вели его на святую гору блаженного созерцания, где дух его, озарённый небесным разумением и воспламенённый жаждою вечного блаженства, возносился к Богу. Ты радовал его, Господи, в Твоём доме молитвы, когда будил в нём желание любить Тебя всё сильнее и сильнее; когда являлся ему частыми вдохновениями и, как друг в доме не чужом (ср. Прит. 5:10), но Твоём, который есть молитва, Ты насытил его сладчайшими угощениями божественных утешений.

[6] В его обычае было часто проводить бессонные ночи в принесении Богу жертвы хвалы, а посреди глубокой ночной тишины – идти к образу Пиеты (что находился при входе в коллегииум в своего рода подвесной божнице), где был представлен обнажённый Христос по пояс во гробнице: из раны в боку Его изливалась потоком кровь, а поддерживала Его горько плачущая скорбная Дева; и пред сим [образом] Иоанн падал ниц; размышлял о страшных болях, что терпел Бог во плоти; винил себя в тяжких грехах; обильными слезами омывал пятна [совести]; дивился готовности божественного милосердия прощать оскорбления, и в сем ревностном излиянии сердца своего доходил до испуга духа. Ну и часто (как неизменно утверждали предания отцов Старшего коллегииума), когда его охватывала такая горечь, глас небесный, доносившийся от того образа, утешал его.

А когда тот образ после кончины его главного почитателя был с согласия упомянутых отцов перенесён в церковь св. Анны, дабы воздать тем самым ему большую честь, он чудесным образом вернулся на своё прежнее место (где его можно увидеть и ныне), дабы служить свидетельством для потомков великой сей милости и осенять своею защитой и покровительством сие место, вверенное ему свыше.

[7] Он знал, что служение священническое, от коего даже рамена ангелов трепещут, было установлено для служения при алтаре, дабы в жертвоприношении животворящего Таинства, подобном сладостному благоуханию, воздавать Богу благодарственное поклонение за все милости, даруемые человеческому роду, и способно оно умирить Его гнев, возбуждаемый грехами. Знал он также, что сие приношение, коим Бог укрепляет вкушающих, является обильным источником благодати и духовного исцеления. Поэтому он не пропускал ни дня без того, чтобы совершить литургию.

[8] Если же случалось так, что на публичных прениях спрашивали его мнения, а он ревностно выступал на бой за правду, либо же если он порицал пороки несколько горячее [обычного], то душа его терзалась страшной болью, ибо он страшился нарушить чьё-либо душевное спокойствие или навредить доброму имени. Словно

строгий защитник обиженных ближних, он беспрестанно упрекал себя, повторяя такие стишки, сочинёнными им себе самому в осуждение:

Ближних смущать берегись: трудно потом успокоить;

Ближних судить берегись: оправдать потом нелегко их.

В итоге каждого он встречал с глубочайшим смущением, умоляя простить за ошибки, ведь, как он утверждал, не получив прощения, он не сможет служить мессе.

О добрый Иисусе, Наставник смиренных, если даже такую обиду и оскорбление, что несут свидетельство об истине и обличают пороки, следует пред литургическим жертвоприношением искупать столь глубокой скорбью и сокрушением, тогда что будет с нами, приступающими к причащению [Таинств] алтаря под бременем ненависти и вражды!

Сие ежедневное священнослужение Иоанново весьма мучило врага Божия и приспешников его, поэтому, дабы помешать святому, он измыслил нечто странное.

[9] Однажды, когда Иоанн со свойственным ему горячайшим благоговением священнодействовал при алтаре, а многочисленная толпа, преклоняя колени на земле, испытывала немалое утешение, адский змий прикинулся ласточкой (тогда была середина зимы и лютовали морозы) и когда настал миг вознести священную гостию вместе с чашей, а народ приготовился воздать [Св. Тайнам] благоговейное поклонение, бес принялся летать вокруг, шуметь крыльями, пищать по-ласточьи и отвлекать умы людей необычным зрелищем.

Святой муж, свыше уразумев ухищрения исчадия адского и завершив литургию, стал в дверях, а когда существо попыталось вырваться наружу, схватил его рукой. Когда он поднял его повыше, намереваясь раздавить, столпившиеся вокруг люди наперебой закричали, горячо умоляя святого, чтобы он простил невинную и не разумеющую таинств птицу. На что он людям молвил: «Сейчас вы увидите, что это за птица!» Едва Иоанн раздавил существо, оно приняло вид ужасающего змия, который с свистом, свидетельствующим о ярости, исчез.

[10] Сие-то преискреннее благоговение перед Богом и привело к тому, что, когда Олькуш (весьма славный своими рудниками, а также добродетелью граждан и деловитостью), оставшись без пастыря, собрал отцов, уполномоченных принимать таковые решения, и упросил их на место почившего подобрать другого достойного [таковой должности], всем оказалось угодно возложить сию обязанность на досточтимого мужа. Он принял должность без заpiresательств и постарался исполнять на ней все обязанности доброго пастыря. Ибо к благочестию и добродетели он поощрял невинностью жития своего и изредка – поучениями о заповедях божественных. Стоило поглядеть, как многие отрекались от пороков, каялись в мерзких грехах, превозмогали дурные привычки, возлагали на себя, следуя по стопам своего пастыря, различные мучительные наказания и подражали знаменательным примерам праведности.

[11] И пока Иоанн, точно истинный пастырь, поставленный в дозоре, бодрствовал над вверенным ему стадом, отцы вынесли новое решение и он, получив преемника, вернулся на преподавательскую должность, оставив всех в великой по себе печали.

Блаженны города, которые удостоиваются получить себе в пастыри прославленных святостью мужей в сей жизни, ибо после, в житии бессмертном, [оны святые] становятся [тем городам] заступниками.

ГЛАВА VI. О ДОЛГОТЕРПЕНИИ И ПЕРЕНЕСЕНИИ ДОБРОВОЛЬНО ПРИНЯТНЫХ НА СЕБЯ НЕВЗГОД

[12] Поскольку же долготерпение в невзгодах могло послужить ступенью восхождения к совершенству, а готовность спокойно и даже с радостью пострадать ради Христа, снося зло от других, и вовсе было долгом его, Иоанн, восплавав любовью к сей [добродетели], стал упражняться и усовершеншаться в ней и вступил на двойной путь борьбы с противниками.

Первый его подвиг заключался в перенесении неприятностей (и) притеснений от тех, с кем он жил. Ибо зависть, противница добродетели, вооружившись различными вредоносными средствами, измышляла множества негодяйств, дабы поколебать душевное равновесие святого, то преследуя его злословием, то разя поношениями, то приписывая его добродетели порочному притворству, то коварно восхваляя его в лицо, а то смущая скромный его нрав едкими остротами. И узнал он из учения апостольского, что желающие жить благочестиво во Христе Иисусе должны страдать от всех этих огорчительных уязвлений (ср. 2 Тим. 3:12). А каким щитом он со свойственной ему выдержкой отражал эти стрелы, следует для общего блага показать, ибо и всем другим подражать тому должно.

[13] Уязвлял его чей-то язык? Он как правило встречал удары одним словом, говоря себе: «Как прежде» (ut supra, что также можно перевести: «как выше». – прим. пер.), то есть: «Мне не приходится терпеть ничего нового по сравнению с тем, что прежде претерпел Христос, который паче всех пострадал». Итак, он обращал свои взоры к прообразу и примеру высшего терпения, явленному прежде на горе – и таким образом скорби сего исконного Образа и муки, чуть ли не крестные, становились для него легче, более того, наилегчайшими, и во всяком несчастье он испытывал радость преобильную.

А чтобы не дать охладеть в себе заповеданной Христом любви к ближним, даже к злобным и суровым к нему, он припоминал всё то же «Как прежде», сиречь во Христе, пригвождённом ко кресту, любовь к врагам не смогли угасить ни побои, ни позор креста, ни терзания всего тела, ни сама мука смертная. Итак, сие «прежде» давало ему силы стирать из памяти обиды, одолевать бесполезные сетования и изо всех сил предаваться тем [подвигам], из коих сплетается венец нам на голову, что ныне хотя и колюч, зато потом – славен.

Наконец, сие вышеупомянутое «прежде» напоминало ему о пытках, темницах, голоде и с величайшей жестокостью измышленных способах казни, чему подвергались святые, и что, одолев ступени сих тягот, они взошли к высшему блаженству – и, ободряемый сим воспоминанием, он мужественно переносил все без исключения невзгоды, что постигали его.

[14] Укрепив свой дух этими внутренними разминками, Иоанн приступил к другим упражнениям, гораздо более трудным: пламенея ревностью о христианском вероучении и пылая радением о страстях Господних, он проникся стремлением к

паломничеству; и прежде всего решил пойти и обозреть Святую землю, освящённую стопами Бога, жившего в нашей плоти и трудившегося ради спасения человечества; и возжелал он сам исполнить то [древнее] стремление: «Поклонимся месту, где стояли ноги Его» (Пс. 131:7. – пер. П. Юнгера).

Весь в слезах, он посетил по очереди все животворящие [святые] места, поклонившись прежде всего горе Голгофе и облобызав её, окроплённую кровию Христовой и ради победы Крестной всехвальную, а также, вздыхая, почтил оный Гроб, что всех гробов священнее и препрославлен торжеством воскресения. О, сколько стран пришлось пройти ему, сколько вынести, пока пребывал он среди варварского, враждебного кресту Христову и его почитателям народа, терпя холод, жар, жажду, голод, нищету, жизненные тяготы и другие невзгоды! Но эти трудности и другие, ещё более суровые, чем эти, доставляли исцеление его сердцу, ибо, оплакивая грехи лёгкие, будто тяжкие, он помышлял, что душа его может исцелиться сими трудными испытаниями и что по заступничеству святых удостоится он лицезрения благодати Божией.

[17] После этого, исполненный радости, возвещая всюду тайны Страстей, запечатлевшиеся в его душе, и постоянно размышляя о них, он вернулся на родину. Едва ж тело его малость отдохнуло после столь долгого и трудного путешествия, как он вдруг, решив, что достаточно набрался сил, чтобы этого хватило, собрался к новое путешествие.

Он отправился в Рим, что наставляет в вере, хранит и толкует христианское учение; и с великой душевной усладою прибыл к тем священным порогам, [жаждою лицезрения] коих томится весь мир; и почтил драгоценные мощи князя апостолов и учителя язычников (т. е. апп. Петра и Павла. – прим. пер.), заключённые там во гробнице, откуда, возликовав духом, направил стопы к прочим местам, [ознаменованным] славными подвигами мучеников и обагрённым кровию, и, вверив Богу чрез их ходатайства свои просьбы, как бы причастился присутствия их там. И хотя члены его, измученные постом и бдениями, покрывала бледность, и слабость томила их, изнурённые тяготами пути, который он всегда проделывал пешком, однако дух его, ободряемый некоей небесной радостью, поддерживал немощное тело (ср. Мф. 26:41), сила совершалась в немощи (ср. 2 Кор. 12:9).

Что ж удивительного? Ведь трудности пути, [изнурявшие] тело, зной солнечный, свирепость ветров и дождей, «приют» под [открытым] небом и «мягкую постель», которую давала земля, он весело переносил, напевая [стих] из Псалтири: «При умножении скорбей моих в сердце моем утешения Твои услаждают душу мою» (Пс. 93:19).

Когда во время того паломничества на него напали разбойники, ограбив его и поколотив (о чём было уже упомянуто), он, невзирая на то, ограждённый щитом терпения, пошёл дальше, радуясь, что за имя Господа Иисуса удостоился принять бесчестие» (ср. Деян. 5:41). И именно сие множество печалей, тягот и опасностей по дороге в Рим, что обычно удерживает других от повторения [паломничеств], побудили его проделать его ещё трижды. И когда соотечественники спрашивали его о причине столь частых посещений Рима, он отвечал, что путешествие туда представляется ему чистилищем. Повторяя его, он чаял смягчить кары за свои грехи.

[16] Притом столь частые паломничества досточтимого муж никогда и ни в чём не наносили ущерба его преподавательскими обязанностями, поскольку существует общепризнанный закон, позволяющий преподавателям посещать святыя места, а следуя его предписанию, с соблюдением временной очерёдности вполне возможно обеспечить (особенно при таком множестве профессоров, что принадлежат составу Краковского университета), чтобы один подменял другого, когда тот либо страдает недугом, либо занят благочестивым делом.

ГЛАВА VII. ОБ УМЕРЩВЛЕНИИ ПЛОТИ

[17] Хотя при сих столь многих бедствиях плоть святого мужа и так достаточно мучилась, он никогда не переставал её дополнительно удручать. Ибо он знал, что плоть желает противного духу (Гал. 5:17), а сие является огромным препятствием для тех, кто следует уставам более чистой жизни. Пренебрегая одежаниями мягкими и пышными, он носил верхнюю одежду, что не была ни изысканна, ни слишком худа, но обыкновенна и соответствовала его положению (как можно заключить по одному из его нарядов, хранящемуся в кладовке церкви св. Анны), зато нижняя, полагаем, куда суровее усмиряла плоть его, судя по тому, что он был постоянен в постах, ночи часто проводил в бдениях и молитвах, а когда всё замерзало от зимней стужи, ходил босиком (прикрыв ноги поверху [полами плаща], чтобы никто из встречных не заметил и не рассмотрел), по храмам где, пылая святыми молитвами, пребывал в величайшем веселии душевном.

Получив звание доктора богословия, он воспретил себе мясоедение и нерушимо соблюдал это правило всю жизнь до последнего вздоха. Враг воздержания попытался однажды сломить сие [постановление] и возбудил в нём лютую охоту поесть мяса, но [святой] муж, распознав уловку противника, тут же велел зажарить кусок мяса и принести прямо с противня. Схватив его, ещё горячий, точно пламенный уголь, Иоанн первым делом ударил им себя по лицу, а затем стал обжигать им тут и там тело, приговаривая: «Плоть, ты домогалась плоти? Ну так наешься плотью досыта!». Сим деянием столь возвышенного страдания, коим он, отвергнув попечение о себе, пересилил себя, ему удалось избежать ухищрений врага и на будущее полностью угасить в своём теле всякую охоту к мясу, которая по Божией, надо полагать, милости, больше не возвращалась.

Если он порою давал утомлённому телу почить сном, то повергал его на твёрдую землю, а когда оно уже одряхлело и, лишившись самородного тепла, чересчур зябло, он подстилал ради согревания медвежью шкуру.

ГЛАВА VIII. О ДЕЛАХ МИЛОСЕРДИЯ

[18] Умудрённый Божией заповедью, наипаче ревностен был он, творя дела милосердия и облегчая нужды неимущих, чем старался расширить просторы любви и снискать благосклонность Вышнего Судии. Поэтому своё академическое жалование он каждый год делил с неимущими: ничтожную часть оставляя себе на прожитие, остальное тратил на различные потребности бедняков: то одежду закупал, то обувь, то на прочие необходимости выделял. В итоге в своём милосердии к нищим он доходил до того, что себе самому отказывал в основных жизненных потребностях, чтобы пособить им в скудости их. Был у него обычай, ставший прямо-таки чертой его нрава, что, если увидит кого-нибудь бедняка, идущего ему

навстречу без обуви, то разувается и прикрывает его наготу, а сам возвращается домой босиком, закутавшись до пят плащом, чтобы скрыть наготу собственную.

[19] Однажды, когда он проходил по улице и заметил бедняка, покрытого снегом, все члены коего дрожали от лютого холода, он, движимый состраданием, отдал ему собственный плащ (прежде всего постаравшись устроить так, чтобы никто этого не видел), чем исполнил веление Истины, [возвещённое] через Иоанна: «У кого две одежды, тот дай неимущему» (Лк. 3:11).

Когда, возвратившись домой, он пал ниц и так пребывал в молитве, сама Препоблагословенная Дева Матерь милосердия соизволила посетить его и укрепить зрелищем Своего прекраснейшего лика. И было чудо: восхвалив сие столь отважное проявление милосердия, что Иоанн оказал другому в беде, Матерь Божия возвратила ему тот самый плащ, коим он покрыл наготу нищего.

Так с избытком исполнилось на святом муже божественное обетование: «Благотворящий бедному дает займы Господу, и Он воздаст ему за благодеяние его» (Прит. 19:17).

[20] Вот ещё что послужит ярчайшим свидетельством искренней его готовности душу свою отдать за бедных.

Сидел святой муж за столом, а с ним несколько дворянских сыновей, вверенных его попечению и наставлению; и когда он раздал каждому по куску мяса, а последний взял себе (ибо тогда он ещё ел мясо), вдруг донёсся голос нищего, просившего подаюния. Иоанн тут же велел отдать нищему причитающуюся ему порцию мяса. Сотрапезники дивились и шептались, беспокойно спрашивая друг у друга наперебой, что же будет есть святой муж, пока по милости Божией перед ним на столе внезапно не оказался тот же самый кусок мяса, что узрев, все оцепенели, а Иоанн, с радостью приняв сие как дар, посланный ему из хранилищ божественного промысла, подкрепился им, воздав Богу благодарение. Поистине возложил Иоанн на Господа печаль свою, и Он пропитал его (ср. Пс. 54:23. – пер. П. Юнгера).

[21] И это чудесное доказательство божественного воздаяния, кое Бог явил святому за милость, оказанную тогда нищему, положило начало и стало побуждением для новых и достопамятных проявлений сего святого обычая в дальнейшем. Ибо отцы и преподаватели высшей коллегии, тронутые этим зрелищем, установили не подлежащее изменению правило, согласно которому подобает ежедневно приглашать на трапезу и питать за свой кошт нищего (а вернее Христа в нищенском образе), каковое правило и обыкновение доньше благоговейно соблюдается. И если нищий вдруг подойдёт к дверям того помещения, где едят преподаватели, то один из их слуг, кому это по очереди полагается, бежит к восседающему во главе стола и возвещает: «Нищий идёт!» Приняв сию [весть], [председательствующий] с благоговением отвечает: «Христос идёт!» И тут же с любовью подаёт ему милостыню.

Из того же доброго источника возник благотворительный запас (*pia fundatio*), составленный из сбережений нескольких преподавателей, цель коего была в том, чтобы ежегодно обеспечивать нищих одеждой.

[22] Был ещё случай, когда проявилось чудесное милосердие св. Кантия. Однажды некая служанка, возвращаясь домой с рынка, несла глиняный кувшин, полный молока, и вдруг прямо на глазах у святого мужа (который поспешал в церковь св. Анны) упала. Увидев, что сосуд при падении разбился, а молоко вылилось, она принялась слёзно причитать. Тронутый её плачем (женщина сетовала на суровость своей хозяйки), св. Кантий велел ей собрать черепки и подать ему. Она собрала их и поднесла святому. Дивное дело: от его прикосновения кувшин восстановился! Женщина, оттого что молоко всё равно пропало, не переставала плакать, поэтому св. Кантий отдал ей новое распоряжение: зачерпнуть воды из ближайшей реки, называемой Рудава, что протекает около городских стен. Служанка зачерпнула, уповая на молитвы святого, и вдруг увидела, что вода превратилась в чистейшее молоко. Так она и возвратилась домой, радуясь, поведала о чуде и возвестила о знамении Божиим, [явленном] во святом муже.

ГЛАВА IX. О ДАРЕ ПРОРОЧЕСТВА

[23] Также святой муж был наделён от Господа даром и достоинством пророчества. Ибо, когда однажды разгорелся пожар, пламя распространилось на улицу Св. Анны, лютовало в зданиях и пожирало имущества многих, Иоанн, жалея людей, страдающих от страшного бедствия, решил молить Бога о милости, но едва собрался, как вдруг увидел мужа цветущих лет и блистающего ослепительным светом – св. Станислава, епископа Краковского. Тот велел святому успокоиться, пообещав, что пожар сильнее не разгорится, но приказал ему объявить всему народу, что скоро будет гораздо более страшный пожар.

Иоанн возвестил [что было ему поручено], призвав всех сотворить достойные плоды покаяния (ср. Лк. 3:8), но когда к старым преступлениям присовокупились новые злодеяния, явился праведный гнев Божий, дабы покарать их, что и было предсказано святым мужем; ибо разбушевался мощный пожар, который не удалось погасить, и опустошил значительную часть города.

ГЛАВА X. ОБ ОБЩЕНИИ С БЛАЖЕННЫМИ МУЖАМИ, КОИ О ТУ ПОРУ ПРОСИЯЛИ СВЯТОСТЬЮ ЖИТИЯ

После исполнения своих преподавательских трудов и воскурения Богу сладчайшего фимиама молитвы Иоанн услаждался общением (телесно случавшимся, правда, редко, но духовно происходившим всегда) со святейшими мужами, что жили в его время; и при одном лишь воспоминании о чистоте их жизни и высоких заслугах возгорался он жаром божественной любви.

Краков тогда сиял, словно бы окруженный и освещённый со всех сторон ярчайшими светочами; в ту пору его озаряла оная прославленная звезда – бл. Святослав (нач. XV в. – после 1493 г.), служивший при клире храма Пресвятой Девы в должности мансионария, дивный своим вечным молчальничеством; в ту же пору блистало в сем [граде] пресветлое светило бл. Симона Липницкого, изливавшее лучи серафимской милости и святости в церкви Братьев-обсервантов; в ту же пору и бл. Станислав Казимерчик (1433 – 1489 гг., св., пам. 5 мая), инок Ордена уставных каноников, расточал из церкви Святейшего Тела свет непорочного и невинного жития; в ту же пору бл. Исайя (Бонер, 1399/1400 – 1471 гг.), инок Ордена отшельников св. Августина, точно ярчайшая звезда, сверкающая высшими добродетелями, наполнял

тебя [Краков] светом; в ту же пору бл. Михаил (Гедройц, ок. 1425 – 1485 гг.) инок Ордена св. Марии де Метро («Уставных каноников покаяния». – прим. пер.), подобно лучезарному светильнику озарял тебя сиянием своей доброты.

Что тут добавить? [Не то ли,] что ты не только блистанием их осиян, но и святейшими их мощами, точно прочнейшими оплотами, защищён от всех нападений врага души и тела? Что ты блажен, если счастье своё понимаешь и если выказываешь Богу благодарность за такую милость; и если, прибегая к защите святых в опасности, пытаешься подражать примерам [их] добродетелей?

И так высоко ценил превосходный муж сих святейших мужей, что в безмолвных помыслах сердечных судил, что будет на вершине блаженства, если удастся ему стяжать хоть малейшую толику их святости и причаститься их вечной награды.

ГЛАВА XI. КРАТКИЙ ПЕРЕЧЕНЬ ТРУДОВ, КОТОРЫЕ ОН ПРЕДПРИНЯЛ НА СВОЕЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ДОЛЖНОСТИ

[25] Решил я приложить здесь краткий перечень трудов, кои достославный Кантий свершил на своём посту, и представить их словно зеркало [образа его].

Академическая должность публичного преподавания не вверяется только тем, кто в какой-либо мере получил признание похвальных дарований своих и познаний в науках и, дав присягу содействовать общему благу, был принят в круг профессоров.

Итак, первой ступени и первого признания достижений в философии, как свидетельствуют старинные метрические таблицы, он достиг 1415 году от рождения Девы Чада, а от основания первой Краковской академии – в году 15. По истечении двух лет, которые, согласно предписанным уставам, он должен был провести как в философских штудиях, так и в чтении лекций и проведении диспутов, в год спасения 1417 он получил степень доктора философии, а в итоге его дважды избирали деканом философского факультета, а именно в 1432 и 1438 гг.. Эта обязанность возлагается на кого-либо только по причине несравненной учёности, многообразно подтверждённой; и в полномочия [декана], помимо решения вопросов натуральной философии (чем он обязан заниматься каждый день), входит председательство на всех публичных дебатах, которые проводятся два раза в неделю, в качестве главного посредника и судьи.

По завершении курса философии он был принят на богословский факультет и в течение пяти лет трудился там, приобретая с величайшими усилиями различные предписанные уставами степени. Наконец ему было присвоено докторское звание.

Стяжав сие достоинство, он призадумался, не в том ли его призвание, чтобы размышлять о законе Господа (ср. Пс. 1:2), преломлять и раздавать хлеб (ср. Деян. 20:7) небесной мудрости малым сим, и «собрания развратителей» (ср. Пс. 1:1) ниспровергать, чудовищ порока в сердцах людских поражать и укреплять податливые умы верных в благочестии и добродетельном житии. А чтобы самому, проповедуя другим, не оказаться лицемером, но просветиться премудростью Божией и соблюсти её, он решил укрепить себя, как служителя Божия, полным отказом от мяса и постоянными упражнениями в созерцании. А каково было его усердие при исполнении сего [священнического] долга, проведать нетрудно, поскольку для нас сохранились трёхтомные «Комментарии к св. Матфею»,

написанные его рукой. Сохранилась также книга проповедей, в коих он возвещал Кракову слово жизни, таинства спасения и увещевания о том, что потребно, дабы унаследовать обетования небесной славы.

ГЛАВА XII. О ПРЕСТАВЛЕНИИ ИЗ СЕЙ ЖИЗНИ В БЕССМЕРТНУЮ

Когда великий муж осознал, что уже сломлен грузом лет и трудов, и бдений, и постов, и узрел, что скиния тела его уже изнурена различными немощами, то почувствовал, что день отшествия его настаёт (ср. 2 Тим. 4:6) и все силы обратил на подготовку к христианскому исходу своей души, всё, что ещё оставалось у него на прожиток, раздал бедным, а затем, обливаясь слезами, он искупил свои грехи в таинстве исповеди и, укрепившись животворящим брашном Тела и Крови Христовых, все силы душевные чрез возвышение духа устремил ко Творцу жизни и Подателю милостей величайших.

Наконец, приняв благочинно прочие таинства, он в присутствии отцов коллегии пречистую душу свою предал Богу и Пресвятой Деве, почив всерадостно в Господе в год спасения 1473-й, декабря месяца в день 24-й – накануне Рождества Господа нашего Иисуса Христа. Его тело было с честью погребено в церкви св. Анны (это приход при академии, примыкающий к ней с противоположной стороны).

И вот досточтимый Кантий как при жизни прославился многими добродетелями и чудесами, так и после смерти просиял, когда по его заступничеству Божественная милость подала помощь многим, просившим его о помощи. Ибо для многих умерших он вымаливал и доныне вымаливает жизнь, для слепых – зрение, для калек – способность ходить, а для отягчённых различными болезнями и оказавшихся в величайшей нужде – здоровье, облегчение, помощь и утешение. И за всё да воздастся [честь] Господу нашему Иисусу Христу, Который со Отцом и Святым Духом во веки веков Бог славный и благословенный. Аминь.

Перевод: Константин Чарухин

Корректор: Ольга Самойлова

Подготовлено для сайта РУСКАТОЛИК.РФ

ПОДДЕРЖАТЬ ПЕРЕВОДЧИКА:

PayPal.Me/ConstantinCharukhin

или

Счёт в евро:

PL44102043910000660202252468

Счёт в долл. США:

PL49102043910000640202252476

Получатель: CONSTANTIN CHARUKHIN

Банк: ВРКОPLPW